

## ДА, Я АДМИРАЛ КОЛЧАК

*Публикуемые материалы подготовлены на основе протоколов заседаний Чрезвычайной Следственной Комиссии по делу Колчака, воспроизводятся по стенографической записи, заверенной заместителем председателя Следственной Комиссии К. А. Поповым и хранящейся в Архиве Октябрьской Революции (фонд XXV, арх. № 51)*



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне пришлось участвовать в допросах Колчака, производившихся Чрезвычайной Следственной Комиссией в Иркутске. Созданная эс-эро-меньшевистским «Политическим Центром», комиссия эта затем, с переходом власти к Ревкому, была реорганизована в Губернскую Чрезвычайную Комиссию; состав же Комиссии, допрашивавшей Колчака, оставался неизменным до самого последнего дня допроса. Ревком совершенно сознательно сохранил его, несмотря на то, что в этом составе был меньшевистовавший Денике и два правых эс-эра — Лукьянчиков и Алексеевский. Все эти лица были полезны для допроса уже тем, что близко знакомы были с работой колчаковского правительства и к тому же прямо или косвенно участвовали в подготовке иркутского выступления против него, в нанесении ему последнего удара, результаты которого были уже предreshены вступлением в Сибирь Красной Армии и взятием ею колчаковской столицы — Омска. Самый допрос Колчака, арестованного или, вернее, переданного «Политическому Центру» из рук в руки чехо-словаками — если не ошибаюсь — 17 января 1920 года, начался накануне передачи власти «Политическим Центром» Ревкому, и, следовательно, все допросы, считая со второго, производились уже от имени Советской, а не эс-эро-меньшевистской власти.

Комиссия вела допрос по заранее определенному плану. Она решила дать путем этого допроса историю не только самой колчаковщины в показаниях ее верховного главы, но и автобиографию самого Колчака. Замысел был правильный, но его выполнение доведено до конца не было. События на еще не ликвидированном фронте гражданской войны, висевшая несколько дней над Иркутском угроза временного захвата города подоспевшими остатками колчаковских банд вынудили Ревком расстрелять Колчака в ночь с 6 на 7 февраля вместо предполагавшейся его отправки после следствия на суд в Москву. Последний допрос производился 6 февраля, днем, когда расстрел Колчака, по существу говоря, был уже решен, хотя окончательного приговора вынесено еще не было. О том, что остатки его банд стоят под Иркутском, Колчак знал. О том, что командным составом этих банд предьявлен Иркутску ультиматум выдать его, Колчака, и его премьер-министра Пепеляева, Колчак тоже знал, а неизбежные для него последствия этого ультиматума он предвидел. Как раз в эти дни при обыске в тюрьме была захвачена его записка к сидевшей там же, в одном с ним одиночном корпусе, его жене Тимиревой. В ответ на вопрос Тимиревой, как он, Колчак, относится к ультиматуму своих генералов, Колчак отвечал в своей записке, что он «смотрит на этот ультиматум скептически и думает, что этим лишь ускорится неизбежная развязка». Таким образом, Колчак предвидел возможность своего расстрела.

В. И. Ленин в своей речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства говорил: «Довольно неумно порицать Колчака только за то, что он насильничал против рабочих и даже порол учительниц за то, что они сочувствовали большевикам. Это вульгарная защита демократии, это глупые обвинения Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит». Комиссия, выясняя некоторые яркие факты из области насилий, производившихся Колчаком и колчаковской военщиной, несомненно, до некоторой степени, впала в тон такого «довольно неумного порицания Колчака». Ограничиваюсь этими краткими замечаниями.

Как бы ни расценивать постановку допроса Колчака и его показания, опубликование их, несомненно, даст немало ценного для всякого, желающего изучить историю контр-революции, и уж, конечно, для всякого историка ее.

К. Попов

# ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

21-го января 1920 года

**Попов.** Вы присутствуете перед Следственной Комиссией, в составе ее председателя К. А. Попова, заместителя председателя В. П. Денике, членов комиссии: Г. Г. Лукьянчикова и Н. А. Алексеевского, для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

**Колчак.** Да, я адмирал Колчак.

**Попов.** Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной Следственной Комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

**Колчак.** Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет.

**Попов.** Вы являлись Верховным Правителем?

**Колчак.** Я был Верховным Правителем Российского Правительства в Омске, — его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял.

По выходе из корпуса в 1894 году я поступил в петроградский 7-й флотский экипаж; пробыл там несколько месяцев, до весны 1895 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченном тогда постройкой и готовящемся к отходу за границу броненосном крейсере «Рюрик». Затем я пошел в первое мое заграничное плавание. Крейсер «Рюрик» ушел на восток, и здесь, во Владивостоке, я ушел на другой крейсер «Крейсер», в качестве вахтенного начальника, в конце 1896 года. На нем я плавал в водах Тихого океана до 1899 года, когда этот крейсер вернулся обратно в Кронштадт. Это было первое мое большое плавание.

**Алексеевский.** Как протекала ваша служба?

**Колчак.** Когда я в 1899 году вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который ходил на «Ермаке» в свою первую полярную экспедицию. Я просил взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать, и «Ермак» ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию, — меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. В сентябре месяце я ушел на «Петропавловске» в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на

Дальний Восток, и в сентябре прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толля<sup>1</sup> принять участие в организуемой Академией наук под его командованием северной полярной экспедиции, в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толля. Я получил предложение через Академию наук участвовать в этой экспедиции.



Керенский и Колчак в группе членов Севастопольского флотского комитета. Май 1917 г.

Для того, чтобы подготовить меня к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Экспедиция была снаряжена и вышла в июле месяце из Петрограда на судне «Заря», которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строптелем «Фрама». Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании у Нансена, который был другом барона Толля. Он научил меня работать по

---

<sup>1</sup> Известный путешественник, руководитель русской полярной экспедиции, организованной в 1900—1902 г. Рос. Акад. наук для обследования Ледовитого океана в районе Ново-Сибирских островов и острова Венетта.

новым методам. Экспедиция ушла в 1900 году и пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы на Таймыре, две зимовки на Ново-Сибирских островах, на острове Котельном; затем, на 3-й год, барон Толль, видя, что нам все не удастся пробраться на север от Ново-Сибирских островов, предпринял эту экспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов. У него были свои предположения о большом материке, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было таково, что мы могли проникнуть только к земле Бенетта. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться, и ушел. Ввиду того, что у нас кончались запасы, он приказал нам пробраться к земле Бенетта и обследовать ее, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привезти все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Ново-Сибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 году, весной, барон Толль ушел от нас с Зеебергом с тем, чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Бенетта. На заседании Академии Наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное. Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду, и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на землю Бенетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам.

Мы добрались до земли Бенетта 5-го августа, на Преображение, — этот мыс я назвал мысом Преображенским, — и высадился на остров Бенетта. Ближайшее же обследование этого берега очень скоро дало нам признаки пребывания там партии барона Толля. Мы нашли груды камней, в которой находилась бутылка с запиской со схематическим планом острова, с указанием, что там находятся документы. Руководствуясь этим, мы очень скоро, в ближайшие дни, пробрались к тому месту, где барон Толль со своей партией находились на этом острове. Там мы нашли коллекции, геологические инструменты, научные, которые были с бароном Толлем, а затем тот краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толля.

Через 42 дня плавания на этой шлюпке я вернулся снова к своему первому исходному пункту около мыса Медвежьего острова Котельного. Мы вернулись все, не потерявши ни одного человека. Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре и вслед затем известие о том, что адмирал Макаров назначается командующим флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию Наук с просьбой вернуть меня в морское ведомство и обратился в морское

ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в тихоокеанскую эскадру, для участия в войне. После некоторых колебаний, президент Академии, в. кн. Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля. Макаров тогда еще был жив. Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу Макарову, которого просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначил на крейсер «Аскольд», так как, по его мнению, мне нужно было немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. На этом «Аскольде» я пробыл до гибели адмирала Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта. После гибели адмирала Макарова я был назначен очень короткое время на минный заградитель «Амур», а затем на миноносец «Сердитый», в качестве командира.

**Алексеевский.** Значит, вы в выходе эскадры в июле не участвовали?

**Колчак.** Нет, в выходе эскадры я участвовал. Я был уже на миноносце, но в боях наш миноносец не участвовал, — шел другой отряд. Мы только проводили выход эскадры, а затем вернулись, так как мой миноносец должен был оставаться в Порт-Артуре.

После того как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный фронт. Здесь последнее время мы уже занимались постановкой главным образом мин и заграждений около Порт-Артура, и мне удалось в конце концов поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на которой взорвался японский крейсер «Такосадо». Осенью я перешел на сухопутный фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня, и едва даже не нарушил мира, потому что мне не было дано знать, что мир заключен. Я жил в Порт-Артуре до 20-х чисел декабря, когда крепость пала. Я был ранен, но легко, так что это меня почти не беспокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног. Эвакуировали всех, кроме тяжелораненых и больных, я же остался лежать в госпитале в Порт-Артуре. В плену японском я пробыл до апреля месяца. Оттуда нас отправили в Дальний, а затем в Нагасаки. В Нагасаки партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. С осени я продолжал свою службу, причем на мне лежала еще обязанность перед Академией Наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была мною брошена. Эта работа продолжалась до января 1906 года.

В 1906 году, в январе месяце, произошли такого рода обстоятельства. После того как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в том числе которых был и я, решила заняться самостоятельной работой, чтобы снова подвинуть дело воссоздания флота и, в конце концов, тем или иным путем как-нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в этом году, возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор.

Группа этих морских офицеров, с разрешения морского министра, образовала военно-морской кружок, полуофициальный. Мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания морского генерального штаба, т. е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне. План этот был одобрен, и весной, приблизительно в апреле 1906 года, он был осуществлен созданием морского генерального штаба. В этот штаб вошел и я, в качестве заведующего балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых, назначенных в этот штаб. С этого времени и начинается период, обнимающий приблизительно 1906, 1907, 1908 гг., — период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение флота. В основание всего этого дела морским генеральным штабом была выдвинута морская судостроительная программа, которой до сих пор не было. Это был период изучения общей политической обстановки, и еще в 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошибались только на полгода. Да и то немцы и сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали.

В 1912 году адмирал Эссен заявил мне, что он хотел бы, чтобы я поступил в действующий флот. Я ушел из морского генерального штаба и поступил в минную дивизию командиром эскадронного миноносца «Уссуриец». Я командовал «Уссурийцем» год, затем был в Либаве, где была база минной дивизии. Через год адмирал Эссен пригласил меня быть флаг-капитаном по оперативной части у него в штабе.

Несмотря на то, что с весны до начала войны шла подготовка флота к войне, благодаря деятельности Воеводского мы к войне не были готовы в смысле выполнения намеченной программы. Причиной этого была прежде всего самая организация морского министерства и главным образом его технических отделов, с их страшной канцелярщиной и волокитой в сношениях с заводами, с утверждением чертежей, с разрешением всевозможных вопросов, связанных с судостроением. Все это страшно

отражалось на деле. Таким образом, одной из причин являлся также бюрократизм, бывший в этих учреждениях. Это было ужасное место, с которым генеральный штаб пытался вести борьбу, но тщетно. Первые два месяца войны я оставался в должности флаг-капитана. Все это время я работал над всевозможными планами и всякими оперативными заданиями, причем старался, где это было возможно, непосредственно участвовать в их выполнении. Поэтому я постоянно переходил на ту или иную часть флота, которая выполняла различные задания, утвержденные, конечно, адмиралом Эссеном, но разработанные мною.

Осенью 1915 года адмирал Трухачев, командовавший минной дивизией, которая в это время была выдвинута в Рижский залив и защищала его (только перед этим был поспешно ликвидирован прорыв немцев в этот залив), во время свежей погоды, вывихнув ногу, заболел. Надо было назначить нового командира минной дивизии. Адмирал Эссен предложил мне временно вступить в это командование. Это было в начале сентября.

К этому времени немцы произвели высадку на южном берегу Рижского залива и угрожали непосредственными действиями Риге. Их позиции подошли к Рижскому шtrandу<sup>2</sup> \* и были недалеко от Кеммерна. Предполагалась их большая операция на Ригу.

Мною была произведена операция, — я высадил десант на Рижское побережье, в тыл немцам. Правда, его пришлось быстро снять, так как он был незначителен, но во всяком случае он привел немцев в панику, так как они совершенно не ожидали высадки этих сил, причем этим десантом был разбит немецкий отряд, прикрывавший местность. За эту работу я был представлен Радко-Дмитриевым, которому я подчинился как старшему во время операции, к Георгиевскому кресту и получил эту высшую боевую награду. В то время я был капитаном первого ранга (в эту должность я был произведен в Либаве в 1915г.). Около 20-х чисел декабря я вступил в командование минной дивизией в Ревеле, как постоянно командующий этой дивизией. Весною 1916 года, как только состояние льда позволило выйти ледокольным судам через Моонзунд в Рижский залив, я ушел туда из Ревеля, а как только лед вскрылся, я вызвал минную дивизию и стал в Рижском заливе продолжать свою работу по защите его побережья и по борьбе с береговыми укреплениями Рижского залива и защиты входа в Рижский залив, причем уничтожил один дозорный корабль — «Виндаву». Тогда же, получивши сведения о выходе из Стокгольма немецких судов с грузом руды под защитой одного вооруженного, как крейсер, коммерческого судна, я с несколькими лучшими миноносцами типа «Новок», под прикрытием отряда крейсеров, под командой адмирала Трухачева, вышел к шведским берегам, ночью напал на караван, рассеял его и потопил конвоирующий его корабль. Это было моим последним делом в Балтике. Затем, не помню по какому делу, я был

---

<sup>2</sup> Шtrand — морской берег.

внезапно вызван из Моонзунда в Ревель; это было приблизительно в 20-х числах июля. В Ревеле мне совершенно неожиданно была вручена телеграмма из ставки о том, что я назначаюсь командующим Черноморским флотом, с производством в вице-адмиралы.

Заверил:

Заместитель председателя Иркутской Губ.Ч.К.

К. Попов.

### 23-го января 1920 г.

**Алексеевский.** В прошлый раз вы закончили тем, что получили в апреле неожиданное производство в вице-адмиралы и телеграмму о назначении вас командующим флотом Черного моря.

**Колчак.** Получивши это назначение, я вместе с тем получил приказание ехать в ставку для того, чтобы получить секретные инструкции, касающиеся моего назначения и командования в Черном море. Я поехал сперва в Петроград и оттуда в Могилев, где находилась ставка, во главе которой стоял ген. Алексеев, начальник штаба верховного главнокомандующего. Верховным главнокомандующим был бывший государь. По прибытии в Могилев, я явился к ген. Алексееву. Он приблизительно в течение полутора или двух часов подробно инструктировал меня об общем политическом положении на нашем западном фронте. Он детально объяснил мне все политические соглашения чисто военного характера, которые существовали между державами в это время, и затем после этого объяснения сказал, что мне надлежит явиться к государю и получить от него окончательные указания. Указания, сделанные мне Алексеевым, были повторены и государем. Они сводились к следующему: назначение меня в Черное море обуславливалось тем, что весной 1917 г. предполагалось выполнить так называемую босфорскую операцию, т. е. произвести уже удар на Константинополь.



Дом в Омске, где заседало правительство Колчака

Получив эти указания, я уехал в Черное море в тот же вечер. Положение в Черном море было таково: главнейшие вопросы, которые тогда стояли, были, во-первых, обеспечение безопасности Черноморского побережья от постоянных периодических набегов быстроходных крейсеров «Гибена» и «Бреслау», ставивших в очень опасное положение весь транспорт на Черном море. А транспорт на Черном море и перевозки имели главное значение для кавказской армии, потому что подходы к кавказской армии были чрезвычайно трудны, и нужно было *базироваться* на море.

Минные заграждения, дозорная служба, надлежащим образом организованная и надлежащим образом развитая, радиосвязь дали возможность обеспечить нам черноморский бассейн совершенно спокойным от всяких покушений со стороны неприятеля и обеспечить совершенно безопасный транспорт для кавказской армии. Таким образом, в Черном море наступило совершенно спокойное положение, которое дало возможность употребить все силы на подготовку большой босфорской операции. По плану этой босфорской операции, в мое непосредственное распоряжение поступила одна сухопутная часть, дивизия ударного типа. Эта дивизия готовилась под моим непосредственным наблюдением и должна была быть выброшена первым десантом на неприятельский берег, для того, чтобы сразу на нем обосноваться и обеспечить место высадки для следующих войск, которые должны были идти за ними. Так вся эта подготовка работ шла до наступления

государственного переворота в конце февраля месяца. В Черном море, как и для меня, этот переворот был совершенно неожиданным.

**Алексеевский.** Мы подошли к той части вашей деятельности, которая носит не только профессиональный и технический характер, но и политический. В связи с этим, Комиссия считает необходимым поставить вам вопросы о ваших политических взглядах в молодости, в зрелом возрасте и теперь, а также о политических взглядах вашей семьи.

**Колчак.** Как я говорил, когда я поступил в корпус, я начал заниматься исключительно военным делом и затем меня увлекали точные научные знания, т. е. математические и физические науки. Науками социального и политического характера я занимался очень мало. Я вырос на Обуховском заводе и постоянно на нем бывал. Пребывание на заводе дало мне массу технических знаний: по артиллерийскому делу, по минному делу и т. д. Работа на этом заводе сблизила меня с рабочими. У меня было много знакомых рабочих, которые меня обучали. Они знали меня, и благодаря этому соприкосновению с ними, работе в мастерских, постоянному общению с ними, меня заинтересовали на некоторое время вопросы политического и социального порядка.

**Попов.** Каково было ваше отношение, адмирал, к революции 1905 года?

**Колчак.** Мне с нею не пришлось почти сталкиваться. В 1905 г. я был взят в плен, затем, я вернулся, был болен и лечился, а остаток этого времени я был в Академии Наук.

**Председатель.** Каково было ваше идейное отношение к этому делу?

**Колчак.** Я этому делу не придавал большого значения. Я считал, что это есть выражение негодования народа за проигранную войну, и я считал, что главная задача, военная, заключается в том, чтобы воссоздать вооруженную силу государства. Я считал своей обязанностью и долгом работать над тем, чтобы исправить то, что нас привело к таким позорным последствиям.

**Алексеевский.** Адмирал, позволителен еще вопрос. Главой всех военных сил был император, и императорская фамилия и династия распределяли между собой все важнейшие роли, а над всеми, как глава военных сил, был император?

**Колчак.** Тут были общие причины. Я видел здесь на Востоке как мы вели боевую подготовку, чем занималось командование, чем занимались командиры. Конечно, общая система была неудовлетворительна.

**Алексеевский.** У нас есть поговорка, что рыба начинает разлагаться с головы. Не приходили ли вы к убеждению, что именно сверху нет ничего, кроме слов, в отношении ответственности и руководства?

**Колчак.** Я считал, что вина не сверху, а вина была наша, — мы ничего не делали.

**Попов.** Нам было бы интересно узнать, мирились ли вы с существованием монархии, являлись ли вы сторонником ее сохранения, или если не японская война, то революция 1905 —1906 года внесла изменения в ваши политические взгляды?

**Колчак.** Моя точка зрения была просто точкой зрения служащего офицера. Я относился к монархии, как к существующему факту, не критикуя и не вдаваясь в вопросы по существу об изменениях строя. Я был занят тем, чем занимался. Как военный, я считал обязанностью выполнять только присягу, которую я принял, и этим исчерпывалось все мое отношение. И, сколько я припоминаю, в той среде офицеров, где я работал, никогда не возникали и не затрагивались эти вопросы.

**Алексеевский.** Здесь уместен один вопрос, который касается вот чего: вы сначала нам скажите, имели ли вы личные отношения с бывшим императором и с выдающимися членами и деятелями династии и, в частности, имели ли вы хоть одно свидание с Распутиным?

**Попов.** Я прибавлю, не изменились ли эти отношения до самой революции 1917 г.?

**Колчак.** Я никакого участия в политической работе не принимал. Я скажу прежде всего о государе. Нужно сказать, что до войны, — меня выдвинула война, — я был слишком маленьким офицером, слишком маленьким человеком, чтобы иметь соприкосновение вообще с какими-нибудь высшими кругами, и потому непосредственных сношений с ними не мог иметь по существу. При дворе я никогда не бывал.

**Попов.** Вы уклоняетесь от прямого ответа: были ли вы тогда монархистом или нет?

**Колчак.** Я не могу сказать, что монархия это — единственная форма, которую я признаю. Я считал себя монархистом и не мог считать себя республиканцем, потому что тогда такового не существовало в природе. До революции 1917 года я считал себя монархистом.

**Чудновский.** Мы бы хотели знать в самых общих чертах ваши политические взгляды во время революции, о подробностях вашего участия вы нам расскажете на следующих допросах.

**Колчак.** Когда совершился переворот, я получил извещение о событиях в Петрограде и о переходе власти к Государственной Думе непосредственно от Родзянко, который телеграфировал мне об этом. Этот факт я приветствовал всецело. Присягу я принял по совести, считая это правительство, как единственное правительство, которое необходимо было при тех обстоятельствах признать, и первый эту присягу принял. После совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, — что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего, и считаю необходимым

признать то правительство, которое объявило себя тогда во главе российской власти.

**Алексеевский.** Но перед вами должен был встать вопрос о дальнейшем, — какая форма государственной власти должна существовать после того, как это будет доведено до конца?

**Колчак.** Да, я считал, что этот вопрос должен быть решен каким-то представительным учредительным органом, который должен установить форму правления, и что этому органу каждый из нас должен будет подчиниться и принять ту форму государственного правления, которую этот орган установит.

**Попов.** На какой орган, по вашему мнению, могла бы быть возложена эта задача?

**Колчак.** Я считаю, что это должна быть воля Учредительного Собрания или Земского Собора. Мне казалось, что это неизбежно должно быть, так как правительство должно было носить временный характер, как оно заявляло.

**Попов.** Какой образ правления представлялся вам лично для вас наиболее желательным?

**Колчак.** Я первый признал Временное правительство, считал, что как временная форма оно является при данных условиях желательным; его надо поддержать всеми силами; что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в учредительном органе форму правления, и какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я думал, что, вероятно, будет установлен какой-нибудь республиканский образ правления, и этот республиканский образ правления я считал отвечающим потребностям страны.

Заверил:

Заместитель председателя Иркутской Губ.Ч.К.

К. Попов.

#### 24-го января 1920 г.

**Колчак.** Возвращаясь к рассказу о перевороте, должен сказать, что первые сведения о перевороте, происходящем в Петрограде, я получил, находясь в Батуме с двумя минными судами, куда пришел по вызову главнокомандующего кавказским фронтом Николая Николаевича для решения вопросов о снабжении кавказской армии морем. Вечером на второй день, насколько помню, я получил шифрованную телеграмму из Севастополя от адмирала Григоровича, что в Петрограде происходит восстание войск, что существующая власть дезорганизована и что комитет Государственной Думы взял на себя функции правительства. Вот содержание этой телеграммы. Насколько помню, последние слова этой телеграммы были успокоительного

характера, — «в настоящее время волнение утихает». Это была первая телеграмма, которую я получил о событиях в Петрограде.

Вечером в тот же день я вышел из Батума в Севастополь. Когда я пришел в Севастополь, я получил телеграмму от Родзянко. Затем была получена телеграмма от князя Львова об образовании первого министерства. Получивши эту телеграмму, я сейчас же разослал ее по всем судам, и так как я не мог объехать все суда, то собрал команды на моем флагманском судне «Георгий Победоносец». Когда они собрались, я прочел манифест и сказал, что в настоящее время прежней власти не существует, династия, по видимому, кончила свое существование и наступает новая эпоха. При этом я обратился к ним и сказал, что каковы бы ни были у нас взгляды, каковы бы ни были наши убеждения, но мы ведем войну, и потому мы имеем обязательства не только перед правительством или той властью, которая существует, но мы имеем большие обязательства и перед нашей родиной.

**Алексеевский.** Я хотел бы задать вопрос о вашем отношении к приказу № 1.

**Колчак.** Приказ № 1<sup>3</sup> был сообщен царскосельской радиостанцией за подписью Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Когда на одном из митингов, на котором собралось огромное число свободных от службы команд, меня спросили, как относиться к этому приказу, я сказал, что для меня этот приказ, отданный Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, не является ни законом, ни актом, который следовало бы выполнять, пока он не будет санкционирован правительством, так как, в силу настоящего положения, Советы Рабочих и Солдатских Депутатов могут собираться в любом месте, в любом городе, и почему в таком случае приказ Петроградского Совета является обязательным, а необязательным приказ Совета в Одессе или в другом месте? Во всяком случае, я считаю, что этот приказ не имеет для меня никакой силы.

**Алексеевский.** Был ли образован обще-флотский комитет Совета матросских депутатов для всего Черноморского флота?

**Колчак.** Комитеты были образованы в Севастополе и Одессе и других портах согласно предложению правительства. Первое время отношения были самые нормальные. Я считал, что в переживаемый момент необходимы такие учреждения, через которые я мог бы сноситься с командами. Больше того, — я скажу даже, что вначале эти учреждения вносили известное спокойствие и

---

<sup>3</sup> Под именем приказа № I было напечатано в «Известиях Петроградского Совета», № 3, за подписью Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановление собрания солдатских представителей о правовом положении солдат в армии. Согласно этому постановлению отменялись все установленные при царе внешние знаки подчиненности и обезличения солдат, как, например, вставание во фронт и отдавание чести вне службы, титулование офицеров благородием и превосходительством, запрещалось обращение к солдатам на «ты» и т. д.

порядок. Дело было поставлено таким образом, чтобы все постановления комитета мне докладывались. Так продолжался первый месяц. Затем произошло явление такого рода. Рабочие порта также образовали у себя Совет Рабочих Депутатов, но этот Совет не сливался с флотским комитетом и существовал независимо; слияние произошло позже, примерно в мае месяце. Нужно сказать, что рабочие севастопольского порта прямо заявили мне, что они будут поддерживать меня во всех военных работах, что они будут выполнять свои работы так же, как раньше; даже вначале заявили мне, что они не признают 8-часового рабочего дня и будут работать столько, сколько потребуется для военных надобностей флота. Такое заявление установило самое лучшее отношение с рабочими севастопольского порта; во всех тех постановлениях, которые касались известных экономических вопросов, которые я мог своею властью разрешить, я всегда шел им навстречу. Обычно ко мне являлся Васильев, председатель Совета Рабочих Депутатов севастопольского порта, и мы с ним очень долго обсуждали эти вопросы. Некоторые я удовлетворял, другие направлял в дальнейшую инстанцию — ставку — и сообщал правительству. Так продолжалось недели 2 — 3, затем начали проявляться тенденции несколько худшего порядка. Начались, прежде всего, просьбы об увольнении в отпуск. В отпуск стали проситься целыми массами, так что я не знал, что делать с этим стихийным движением, — приходилось чуть ли не выводить некоторые суда из строя.

Затем начались различные несогласия с офицерами. Первое заявление мне было сделано по поводу некоторых офицеров с немецкими фамилиями, что немцев надо изъять всех полностью. На это я ответил, что у нас, в России, существует масса людей с немецкими фамилиями, которые так же, и может быть даже больше, работали для блага родины, чем люди, носящие русские фамилии, что у нас, в России, фамилия решительно ничего не значит, и удалить офицера только потому, что он носит немецкую фамилию, нет решительно никаких резонов. Нужно сказать, что рабочие Черноморского флота стояли, если можно так выразиться, выше команд в смысле дисциплины, порядка и организованности. Я прямо докладывал правительству и приписывал улаживание конфликтов спокойствию, внесенному со стороны рабочих и их органов. Когда, под влиянием пропаганды, Совет Матросских Депутатов поднимал вопрос о том, что надо требовать ликвидации войны и т. д., рабочие приходили, успокаивали их и вносили известное успокоение своим трезвым, спокойным отношением ко всем событиям. В половине апреля мне стало ясно, что если дело пойдет таким образом, то, несомненно, оно кончится тем же, чем и в Балтийском флоте, т. е. полным развалом и невозможностью дальше продолжать войну.

**Алексеевский.** Я бы хотел поставить следующий вопрос: ведь за это время во флоте произошли большие события, в том числе большое возмущение матросов в Кронштадте, в результате которого погибло

несколько сот офицеров, в том числе и адмирал Непенин. Какое впечатление произвели эти события на флот?

**Колчак.** В Черноморском флоте известия об этих событиях не произвели особого впечатления, может быть, потому, что мы получили сведения о них с большим запозданием. Около 20-х чисел апреля я приезжал в Петроград. Прежде всего я явился к Гучкову, военному и морскому министру, который все еще продолжал болеть и не выходил из своей квартиры на Мойке и даже принимал меня первый день, лежа в постели. Гучков сообщил мне о создавшемся положении и сказал, что в Балтийском флоте называют новые беспорядки. Тогда же я получил предложение приехать к Родзянко к завтраку. В разговоре Родзянко высказал оптимистический взгляд относительно положения в Черном море. Я сказал ему, что у меня идет такой же внутренний развал, как и везде. Родзянко спросил меня, обращался ли я к каким-нибудь политическим партиям, чтобы они помогли мне в этом деле. Я сказал, что пока еще не обращался. Родзянко предложил мне проехать к Плеханову и поговорить с ним; может быть, он даст совет, даст указания, как лучше поступить в этом деле. Я поехал к Плеханову, изложил ему создавшееся положение и сказал, что надо бороться с совершенно открытой и явной работой разложения, которая ведется, и что поэтому я обращаюсь к нему, как главе или лицу известному с.-д. партии, с просьбой помочь мне, приславши своих работников, которые могли бы бороться с этой пропагандой разложения, так как другого способа бороться я не вижу в силу создавшегося положения, когда под видом свободы слова проводится все, что угодно. Насильственными же мерами прекратить, — в силу постановления правительства, — я этого не могу, и, следовательно, остается только этот путь для борьбы с пропагандой. Плеханов сказал мне: «Конечно, в вашем положении я считаю этот способ единственным, но он является в данном случае ненадежным». Во всяком случае, Плеханов обещал мне содействие в этом направлении, причем указал, что правительство не управляет событиями, которые оказались сильнее его. «Вы знаете, — спросил меня он, — что сегодня должно быть выступление войск, что сегодня, около 3-х часов, должны выступить войска с требованием смены части правительства?» Это было 21 — 22 апреля. Как раз в этот день, около 4-х часов, было назначено заседание правительства на квартире Гучкова, на Мойке. Плеханов заметил, что это выступление будет пробой правительства, — раз правительство не будет в состоянии справиться с выступившими против него, то какое же это правительство? По всей вероятности, оно должно будет пасть. «Я лично думаю, — сказал Плеханов, — что все идет не так, как мы хотели или предполагали; события принимают стихийный характер, и в этом случае отдельные лица или отдельные группы могут только до известной степени задерживать или способствовать течению, но я сомневаюсь, чтобы мы могли в ближайшие дни что-нибудь сделать». Вот суть его отношения.

Тогда все это выступление базировалось главным образом на почве империалистической политики правительства, — стремлении получить Босфор и Дарданеллы, — что вызвало требование смены Гучкова и Милюкова, как носителей этой тенденции. Плеханов в разговоре со мной сказал такую фразу: «Отказаться от Дарданелл и Босфора -все равно, что жить с горлом, зажатым чужими руками. Я считаю, что без этого Россия никогда не в состоянии будет жить так, как она хотела бы».

От Плеханова я отправился прямо на совещание совета министров, в квартиру Гучкова. У Гучкова, в присутствии всего правительства, заседавшего под председательством князя Львова, я подробно доложил: о положении на Черном море и о том, к чему это, по моему мнению, должно привести. Как раз перед концом заседания прибыл ген. Корнилов, кажется, из Царского Села (я его в первый раз тогда видел). Корнилов сказал, что в городе происходит вооруженная демонстрация войск против правительства, что он располагает достаточными силами, чтобы прекратить это выступление, и в случае надобности, если бы произошло вооруженное столкновение, у него есть уверенность в возможности подавления этого движения. Поэтому он просил, чтобы правительство санкционировало это и дало возможность немедленно начать действовать. Это послужило поводом к обмену мнениями и дебатам, причем особенно против восставали Львов и Керенский, который заявил: «Наша сила заключается в моральном воздействии, в моральном влиянии, и применить вооруженную силу значило бы вступить на прежний путь насильственной политики, что я считаю невозможным». На этом заседание закончилось. Но Керенский долго еще беседовал с Корниловым. Вечером я уехал в Псков, где в это время происходил совет командующих армиями.

**Алексеевский.** В эту поездку в Петроград вы видели всех представителей Временного правительства? Комиссия хотела бы знать ваше отношение к этому правительству с точки зрения интересов военных и морских, в частности, к наиболее видным его представителям — Львову, Гучкову, Керенскому. Какие недостатки и достоинства видели вы в этом правительстве?

**Колчак.** За время пребывания в Петрограде я убедился, что это правительство состоит из людей искренних и честных, желающих принести возможную помощь родине. Никого из них я не мог заподозрить, чтобы они преследовали личные или корыстные цели. Они искренно хотели спасти положение, но опирались при этом на очень шаткую почву — на какое-то нравственное воздействие на массы, народ, войска. Для меня было также совершенно ясно, что это правительство совершенно бессильно, что единственный орган, который выдвигается и вполне определился, — Совет Солдатских и Рабочих Депутатов, — ведет совершенно открыто разрушительную работу в армии и вообще в отношении вооруженной силы, открыто выставляет лозунги прекращения войны с Германией и т. д.

**Алексеевский.** Что вы думали тогда и впоследствии о предложении Корнилова, сделанном на квартире Гучкова, что он обладает достаточной силой, чтобы поставить барьер этому движению, ведущему к прекращению войны? Действительно ли он обладал достаточными силами?

**Колчак.** Да, я считаю, что он обладал достаточными силами, иначе он не сделал бы этого предложения.



Заверил:

Заместитель председателя Иркутской Губ. Ч. К.

К. Попов.

**26-го января 1920 г.**

**Алексеевский.** В прошлый раз, адмирал, мы останавливались на вашем возвращении в Черное море после совещания в Пскове.

**Колчак.** По приезде в Черное море ко мне явилась депутация от солдат царкосельского гарнизона, во главе которой стоял унтер-офицер Киселев, который командовал сербской дружиной. Он был сначала на фронте, а потом в броневой автомобильной роте. Это был человек, глубоко убежденный в необходимости переворота: он первый выступил и говорил, что действительно видит теперь, что путь, по которому пошла вся русская революция, ведет нас к гибели. «Я, — говорил он, — был убежденный революционер, сам первый выступил, был ранен во время этого выступления, а теперь я вижу, что фронта у нас почти нет». Обсудивши с ним вместе этот вопрос, я ему сказал, что я тоже пришел к тому же убеждению. По его мнению, единственное средство, может быть, было бы, если бы я открыто заявил здесь, в Севастополе, о том, что такое положение погубит революцию и всю нашу родину.

Тогда я решил поступить таким образом: я собрал все свободные команды в нескольких местах и, как я это делал раньше, совершенно откровенно высказал все то, что я узнал в Петрограде, обрисовал им положение вещей, указал на бессилие правительства, на то, что фронт у нас в настоящее время разваливается совершенно; удастся ли его восстановить — неизвестно, и что оказать сопротивление неприятелю невозможно. Для меня казалось совершенно ясным, что в такой громадной войне, в какой мы участвуем, проигрыш этой войны будет проигрышем и революции, и всего того, что связано с понятием нашей родины — России. Я считал, что проигрыш войны обречет нас на невероятную вековую зависимость от Германии, которая к славянству относится так, что ожидать хорошего от такой зависимости, конечно, не приходилось. Германия победит — и мы попадем в полную от нее зависимость. Германия смотрит на нас, как на навоз для удобрения германских полей, и будет соответствующим образом третируют нас в будущем.

Чем же расплачиваться придется нам? — говорил я. Ни для кого не тайна, что мы находимся в самом бедственном положении, и придется расплачиваться натурой — территорией и нашими природными богатствами. И вот наступает, в конце концов, призрак раздела нашего: мы потеряем свою политическую самостоятельность, потеряем свои окраины, в конце концов обратимся в так называемую «Московию» — центральное государство, которое заставят делать то, что им угодно, но то, что обуславливало нашу

политическую самостоятельность и свободу, — все будет у нас отнято. И вот мое спокойное, объективное и совершенно правдивое, без каких-нибудь недомолвок, сообщение произвело громадное впечатление на всех присутствующих. Ко мне начали обращаться команды с тем, что команды желают сами отправиться и, если надо, послать свои делегации на фронт с призывом продолжать войну во что бы то ни стало, что подобное положение является позорным, что мы прежде всего должны закончить войну, что эту войну можно закончить.

**Алексеевский.** А в то время были у вас политические комиссары?

**Колчак.** Нет и не было во все время моего командования флотом. Эти обстоятельства, в связи с тем, что результатов практических не было, — я знаю, там были некоторые лица, которые выступали на митингах от партии с.-р., от партии с.-д., но все это имело чрезвычайно малое влияние, — привели к тому, что дело шло хуже и хуже, и эти события заставили меня задуматься. Состав Совета изменился.

**Попов.** Какого партийного состава был новый Совет?

**Колчак.** Тогда было разрешено и офицерам, и командам записываться в какие угодно партии; партийность состава Совета я боюсь характеризовать, но общее течение уже складывалось в пользу большевистской партии. Тогда еще официально такой партии большевиков не существовало, но настроение носило такой характер. Все же я затруднюсь назвать этот Совет большевистским, так как он не носил еще определенной окраски большевизма. К событиям этого времени относится приезд Керенского в Одессу. Я получил приказание прибыть в Одессу с миноносцем, с тем, что Керенский из Одессы пойдет в Севастополь на миноносце. Это было около 20-х чисел мая. Я к назначенному времени вышел с отрядом из четырех миноносцев в Одессу и присутствовал там при торжествах, которые были устроены в честь Керенского. Затем вместе с Керенским я перешел на свой миноносец, и мы отправились в Севастополь. Во время перехода я долго и подробно, почти целую ночь, рассказывал Керенскому о тех обстоятельствах, которые произошли в Черном море. Я сказал ему: «Я не понимаю, чего вы хотите для республики? Во время войны нужна вооруженная сила; я приложил все усилия, чтобы ее удержать, но раз это выходит из вашего плана и это не нужно, зачем я буду продолжать работать?» Он на это ответил: «Я считаю, наоборот, что правительство это, как и правительство прежнего состава, считает, что вы должны оставаться, что теперешнее правительство признательно вам за сохранение Черноморского флота в его боевом состоянии, но вы понимаете, что мы переживаем время брожения: тут надо считаться с возможностью эксцессов». Керенский, как и всегда, как-то необыкновенно верил во всемогущество слова, которое, в сущности говоря, за эти два-три месяца всем надоело, и общее впечатление было таково, что всякая речь и обращения уже утратили смысл и значение, но он верил в силу слова. Я доказывал ему, что военная дисциплина есть только одна, что волей-

неволей к ней придется вернуться и ему, что так называемой революционной дисциплины не существует и та партийная дисциплина, которую он приводит, это дело совершенно другое, потому что единственная дисциплина в армии, в сущности говоря, та, которая выражается в известных внешних формах дисциплинарного устава, которая характеризует взаимоотношение начальника и подчиненного; она одна и та же во всех решительно армиях и флотах всего мира, и какой бы ни взяли дисциплинарный устав — наш или американский, — мы найдем там одно и то же, никакой разницы, по существу, нет, есть разница лишь в деталях. То же, что он говорил о примере партийной дисциплины, это есть дисциплина, которая создается не каким-нибудь регламентом, а воспитанием и развитием в себе чувства долга, чувства обязательств известных по отношению к родине, и эта дисциплина может быть у меня, может быть у него, может быть у отдельных лиц, но в массе такой дисциплины не существует, и опираться на такую дисциплину для управления массами нельзя. После его отъезда положение несколько не изменилось. Все продолжалось в том же духе, в каком все это шло раньше, и у меня было общее впечатление такое, что его приезд никаких результатов не дал и никакого серьезного впечатления ни в командах, ни в гарнизоне не оставил, хотя он был принят хорошо. Затем произошли последние события в начале июня, которые заставили меня уйти с командования помимо желания правительства. В один прекрасный день состоялся митинг на дворе черноморского экипажа; это — огромная площадь, на которой было 15 000 народа. Я был на этом митинге. Разбирался вопрос персонально относительно меня. Там какие-то неизвестные мне посторонние люди подняли вопрос относительно прекращения войны, представляя его в том виде, в каком велась пропаганда у нас на фронте, — что эта война выгодна только известному классу. В конце же концов перешли на тему относительно меня, причем я был выставлен в виде прусского агрария. В ответ на это я потребовал слова и сказал, что мое положение материальное определяется следующим. С самого начала войны, с 1914 года, кроме чемоданов, которые я имею и которые моя жена успела захватить с собой из Либавы, не имею даже движимого имущества, которое все погибло в Либаве. Вечером я получил в первый раз от нового Совета приглашение прийти в Совет на заседание. Как раз приехал Киселев ко мне и сказал, что дело очень плохо, что теперь поставлен вопрос относительно разоружения офицеров и обвинения их в контрреволюционном заговоре. Данных почти нет никаких. Но это теперь пущено кем-то, и среди команды идет по этому поводу брожение. Он сказал, что он будет на этом собрании, но мне там делать нечего. Я все-таки поехал. Я решил посмотреть, так как я никогда еще не видел этих заседаний. Когда я приехал, то увидел, что там идет разговор о контрреволюции, реакции и реставрации и еще о чем-то.

Обвинялся я, во-первых, в том, что являюсь вроде прусского агрария; во-вторых, — и это уже обвинение совершенно странного свойства, — что я ослабляю Черноморский флот выводом из строя судов. Был один старый броненосец — «Три Святителя», который, ввиду того, что очень много людей просилось в отпуска и мне нужно было чем-нибудь компенсировать людей на транспортах,

я решил вывести  
из кампании и  
командой этого  
броненосца

«Три  
Святителя»  
пополнить  
команды  
транспортной  
флотилии в  
Одессе.

Отпусками в это  
время ведали  
уже комитеты, и  
все отпуска шли  
без какого бы то  
ни было  
контроля со  
стороны  
командования.

На другой день  
было дано с  
одного из  
линейных судов  
радио в виде  
приказа о том,  
чтобы  
разоружить всех  
офицеров,

произвести обыски оружия в офицерских квартирах и т. п. Это было часа в три-четыре дня. Сделано это было без уведомления меня, и прежде чем можно было на это как-нибудь реагировать, снести и поговорить, это было выполнено, и на некоторых судах потребовано оружие. Офицеры были на кораблях. Несколько офицеров застрелилось в знак протеста, но в общем никаких эксцессов и историй не произошло. Я сделал распоряжение по своему судну, чтобы никакого сопротивления не было, чтобы не было кровопролития и никакого безобразия. Затем я потребовал собрать свою команду «Георгия Победоносца» и сказал несколько слов по поводу



*Атаман Семенов*

бессмыслицы этого акта и о том, что офицерство разбросано по всем судам небольшими группами, что бессмысленно бояться заговора офицеров, так как приходится их по 1 на 15 — 20 человек команды, и никакой, по существу, опасности они представлять не могут.

Я указал им, что мы — старшие офицеры — были лояльны в отношении к правительству, исполняли все его приказания, что, следовательно, вопрос о какой-нибудь контрреволюции никогда не поднимался. Затем я сказал, что могу рассматривать это как оскорбление, которое наносится прежде всего мне, как старшему из офицеров, здесь находящихся, что с этого момента я командовать больше не желаю и сейчас об этом телеграфирую правительству. Затем я взял свою саблю и бросил ее в воду. Я стоял около трапа и ушел вниз.

После того я послал об этом телеграмму Керенскому, указав, что я уже ни при каких обстоятельствах и ни при каких условиях командовать флотом больше не буду, что я передаю командование старшему после себя адмиралу, что в полночь я спускаю свой флаг, который будет заменен флагом старшего по мне. На другой день к моему чрезвычайно тяжелому состоянию прибавилось известие, что в Севастополь прибыла американская военная миссия адмирала Гленона, которая имела в виду оставаться некоторое время для изучения постановки у меня минного дела и методов борьбы с подводными лодками. Тогда приехала в Петроград миссия Рута. При ней и была морская миссия Гленона, которая приехала ко мне. Эта миссия предполагала у меня проплавать несколько времени и познакомиться с положением дела. Я, конечно, немедленно уехал на берег и сказал, что я никого не принимаю и принять миссию не могу, и она, ознакомившись с положением вещей, немедленно решила уехать. Ночью я беспрепятственно сел в поезд и поехал в Петроград. В этом же поезде ехала как раз американская миссия Гленона. По прибытии в Петроград я должен был явиться — Керенского тогда не было — к его помощнику Кедрову или Дудорову. Он мне сказал, что правительство в ближайшие дни соберется, что им назначается особая следственная комиссия, которая спешно выезжает в Севастополь для разбора всего дела. Затем я был принят в Мариинском дворце на заседании правительства. Я сделал доклад, изложил в деталях все то, что у меня было, и говорил, уже не стесняясь, резко, что все это я предвидел и обо всем заранее предупреждал, что я не могу рассматривать деятельность правительства иначе, как ведущую к разрушению нашей вооруженной силы.

Заверил:

Заместитель председателя Иркутской Губ. Ч. К.

К. Попов.

**27-го января 1920 г.**

**Колчак.** Таким образом, я остался в Петрограде ожидать возвращения из Черного моря комиссии под председательством Зарудного<sup>4</sup>, которая выехала туда в первые дни моего пребывания в Петрограде. В ожидании этой комиссии я жил на частной квартире и почти никого не видел, пока ко мне не явился прикомандированный к миссии адмирала Гленона русский офицер-лейтенант, который передал мне пожелание адмирала Гленона видеть меня и переговорить со мною. Зная о целях миссии, я сказал, что пусть он назначит мне время, когда я могу приехать к нему. Адмирал Гленон жил в Зимнем дворце. Там я был принят Рутром и адмиралом Гленоном. Гленон сообщил мне, что цель его миссии — сделать визит нашему флоту, затем американское правительство интересуется некоторыми вопросами по минному делу и борьбе с подводными лодками и желало бы познакомиться с этим. Кроме того, совершенно секретно он сообщил мне, что в Америке существует предположение предпринять активные действия американского флота в Средиземном море против турок и Дарданелл. Зная, что я занимался аналогичными операциями, адмирал Гленон сказал мне, что желательно, чтобы я дал все сведения по вопросу о десантных операциях в Босфоре. Я ответил на это, что не отказываюсь от этого и готов поделиться теми сведениями, которые у меня имеются.

Он просил меня об этой десантной операции не сообщать даже правительству, так как он будет просить командировать меня в Америку



**Барон Унгерн**

---

<sup>4</sup> А. С. Зарудный, товарищ министра юстиции Керенского, известный адвокат.

официально для сообщения сведений по минному делу и борьбе с подводными лодками. Я сказал ему, что против командирования в Америку ничего не имею, что в настоящее время свободен и применения себе пока не нашел. Поэтому, если правительство согласится командировать меня, я возражать не буду. Насколько я знаю, этот вопрос обсуждался тогда в совете министров и совет министров без всяких возражений согласился на командирование меня в Америку. Получив от английской миссии уведомление, что мне надо выехать тогда-то, я около двадцатых чисел уехал вместе с миссией по железной дороге на Торнео, Христианию, Берген и действительно совершенно точно приехал к самому отходу парохода. За все время пути ничего замечательного не произошло. По прибытии в Галифакс нас встретил морской офицер — морской агент Миштовт, который заявил нам, что в Монреале нас встретят представители морского министерства Соединенных Штатов, что нам предоставлен специальный вагон, что мы являемся гостями американской нации и чтобы мы не беспокоились ни о помещении, ни о средствах передвижения, так как все это берет на себя американское правительство. Таким образом с полным комфортом мы прибыли в Нью-Йорк и Вашингтон. В первые же дни официальных приемов я выяснил, что план относительно наступления американского флота в Средиземное море был оставлен. Его выполнение было невозможно ввиду того, что шла перевозка американских войск на французский фронт и производить новую экспедицию на Турцию, Дарданеллы было бы совершенно невозможно, хотя военные круги и говорили, что это имело бы большое значение, так как захват Константинополя и вывод Турции из состава коалиции послужил бы началом конца всей войны.

За все это время в Нью-Йорке я ни с кем не виделся, так как с утра до вечера мы все время проводили в академии и занимались своей работой. Мне было поручено ответить на некоторые вопросы чисто технического порядка, и я занимался этим делом. Тем не менее я видел, что отношение Америки к русским было чрезвычайно отрицательное, и оставаться там было тяжело.

Из Америки я решил ехать в Европейскую Россию, дать о своей поездке отчет правительству и затем начать делать что-нибудь. Довольно долго пришлось дожидаться первого парохода, который шел из Сан-Франциско. Это был японский пароход «Карио-Мару». Я решил ехать через крайний Запад на Восток. Я выбрал этот путь прежде всего потому, что в это время в Финляндии уже шла борьба, начались наступления Маннергейма и враждебные действия, направленные против русских. По некоторым данным, я подозревал, что Маннергейм является немецким ставленником. Я выехал из Сан-Франциско. Как раз в день моего отъезда были получены первые сведения о большевистском перевороте 26-го октября, о том, что Керенский бежал, правительство пало, а Петроград находится в руках Советов. В Йокагаму мы прибыли около 8 —9 ноября. Здесь я был поставлен в курс событий и получил первые сведения о положении дел в России. Меня

встретил наш морской агент контрадмирал Дудоров, который сообщил мне, что произошел переворот, что Временного правительства не существует и что в настоящее время существует так называемая Советская власть, которая, по-видимому, идет на соглашение с Германией к прекращению войны. Вскоре после этого получилось известие о переговорах и Брестском мире. Это было для меня самым тяжелым ударом, может быть, даже хуже, чем в Черноморском флоте. Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался, и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал. Для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости. Тогда я задал себе вопрос: что же я должен делать? Правительства, которое заключает мир, я не признаю, мир этот я также не признаю; на мне, как на старшем представителе флота, лежат известные обязательства, и признать такое положение для меня представлялось невозможным.

Обдумав этот вопрос, я пришел к заключению, что мне остается только одно — продолжать все же войну, как представителю бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам. Тогда я пошел к английскому посланнику в Токио сэру Грину и высказал ему свою точку зрения на положение, заявив, что этого правительства я не признаю и считаю своим долгом, как один из представителей бывшего правительства, выполнить обещание союзникам; что те обязательства, которые были взяты Россией по отношению к союзникам, являются и моими обязательствами, как представителя русского командования, и что поэтому я считаю необходимым выполнить эти обязательства до конца и желаю участвовать в войне, хотя бы Россия и заключила мир при большевиках.

Сэр Грин выслушал меня и сказал: «Я вполне понимаю вас, понимаю ваше положение, я сообщу об этом своему правительству и прошу вас подождать ответа от английского правительства».

**Алексеевский.** Тогда среди военных, если и не высказанная, то все же была мысль, что Россия может существовать при любом правительстве. Тем не менее, когда создалось новое правительство, вам уже казалось, что страна не может существовать при этом образе правления?

**Колчак.** Я считал, что это правительство является правительством чисто захватного порядка, правительством известной партии, известной группы лиц, и что оно не выражает настроений и желаний всей страны. Для меня тогда это было несомненно. Я считал, что то направление, которое приняла политика правительства, которое начало с заключения Брестского договора и разрыва с союзниками, приведет нас к гибели.

Недели через две пришел ответ от военного министерства Англии. Мне сначала сообщили, что английское правительство охотно принимает мое предложение относительно поступления на службу в армию и спрашивает меня, где я желал бы предпочтительнее служить. Я ответил, что, обращаясь к

ним с просьбой принять меня на службу в английскую армию, не ставлю никаких условий и предлагаю использовать меня так, как оно найдет это возможным.

Что касается того, почему я выразил желание поступить в армию, а не во флот, то я знал хорошо английский флот, знал, что английский флот, конечно, не нуждается в нашей помощи. Кроме того, флот гораздо меньше нуждается во внешнем пополнении, так как если корабль гибнет, то он гибнет вместе со всем экипажем. Затем, на что же я мог бы претендовать, идя во флот? Я был командующим флотом в Черном море, я бы пошел на какие угодно условия, но сами англичане, которые меня хорошо знают, были бы в ложном положении. Если бы я был молодой офицер, то меня бы могли назначить на какой-нибудь миноносец, но тут создалось бы нелепое положение. Вот почему я подчеркнул, что желаю идти в армию хотя бы простым солдатом.

**Алексеевский.** Встречались ли вы в Японии с русскими официальными кругами?

**Колчак.** Да, я встречался там с Крупенским, Игнатьевым и вообще говорил со всем составом посольства.

**Алексеевский.** Как смотрел Крупенский на политическое положение в России и были ли у него колебания в отношении правительства большевиков?

**Колчак.** У всех, кого я только видел, отношение к этому правительству было отрицательное. Они определенно этого правительства не признавали, не отвечали на его требования, которые поступали, и т. д.

**Алексеевский.** Но ведь для Крупенского и официальных русских кругов в Японии было ясно, что сменное большевистским правительством правительство Керенского также не удовлетворяло требованиям момента, и смены этого правительства они желали и раньше. Какого же они правительства хотели?

**Колчак.** Они желали, чтобы это правительство было авторизировано Учредительным Собранием. Общее мнение всех лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, было таково, что только авторизованное Учредительным Собранием правительство может быть настоящим, но то Учредительное Собрание, которое мы получили, которое было разогнано большевиками и которое с места запело «Интернационал» под руководством Чернова, вызвало со стороны большинства лиц, с которыми я сталкивался, отрицательное отношение. Считали, что оно было искусственным и партийным. Это было и мое мнение. Я считал, что если у большевиков и мало положительных сторон, то разгон этого Учредительного Собрания является их заслугой, что это надо поставить им в плюс. Все считали, что нужно создать новое правительство, но что для этого прежде всего надо просить голоса самой страны. На большевистскую власть смотрели, как на

захват власти известной группой, которая не спрашивала, желает ли страна этой власти. Считали, что если такие события произошли, то, по всей вероятности, они будут вынуждены прибегнуть к Учредительному Собранию или другому представительному органу, который или авторизирует их, или назначит другое правительство. Таким образом, и к правительству большевиков, и к Учредительному Собранию, которое было разогнано большевиками, отношение было отрицательное.

Заверил:

Заместитель председателя Иркутской Губ. Ч. К.

К. Попов.

### 28-го января 1920 г.

**Алексеевский.** Мы остановились на вашем отъезде по приглашению английского правительства в месопотамскую армию.

**Колчак.** Этими переговорами с английским послом в Токио сэром Грином исчерпываются у меня все встречи, более или менее серьезные, которые я имел за время своего пребывания в Японии. Я почти нигде не бывал и виделся только с членами посольства и с членами нашей военной и морской миссий. В конце концов мне удалось в 20-х числах января, после долгих ожиданий, уехать на пароходе из Йокагамы в Шанхай, куда я прибыл в конце января. Из Шанхая я уехал на пароходе в Сингапур. В Сингапуре ко мне прибыл командующий войсками генерал Ридаут приветствовать меня, передал мне срочно посланную на Сингапур телеграмму: английское правительство приняло мое предложение, тем не менее, в силу изменившейся обстановки на месопотамском фронте (потом я узнал, в каком положении дело, но раньше я не мог этого предвидеть), считает, ввиду просьбы, обращенной к нему со стороны нашего посланника кн. Кудашева, полезным для общего союзнического дела, чтобы я вернулся в Россию, что мне рекомендуется ехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность, и это, с их точки зрения, является более выгодным, чем мое пребывание на месопотамском фронте, тем более что там обстановка совершенно изменилась.

Подождавши первого парохода, я выехал в Шанхай, а из Шанхая по железной дороге в Пекин. Это было в марте или апреле 1918 года. В Пекине я явился к нашему посланнику кн. Кудашеву. Князь Кудашев мне сказал вот что: «Против той анархии, которая возникает в России, уже собираются вооруженные силы на юге России, где действуют добровольческие армии генерала Алексеева и генерала Корнилова (тогда еще не было известно о его смерти); необходимо начать готовить Дальний Восток к тому, чтобы создать здесь вооруженную силу для того, чтобы обеспечить порядок и спокойствие на Дальнем Востоке». Для этой цели Кудашевым, очевидно, раньше был разработан этот вопрос таким образом, что в полосе отчуждения

Китайско-Восточной железной дороги на средства этой дороги, которые предназначались ранее для отдельного корпуса пограничной стражи, охранявшей железную дорогу, положить основание вооруженной силе в полосе отчуждения, сначала под видом охраны этой полосы отчуждения, а затем, когда эти войска будут обучены и подготовлены, двинуть их за пределы китайской полосы на Владивосток или куда-нибудь.

**Алексеевский.** Значит, выясняется, что, в сущности, главным лицом и инициатором всего этого предприятия (в смысле образования нового правления Восточно-Китайской железной дороги с созданием не только управления дороги, но и администрации территории в полосе отчуждения и созданием учреждения, которое ставит себе целью борьбу с большевизмом) был, в сущности, князь Кудашев?

**Колчак.** Я думаю, что князь Кудашев и Хорват<sup>5</sup>.

**Алексеевский.** Скажите, адмирал, вы знали раньше о намерениях Хорвата объявить себя правителем?

**Колчак.** Нет, у него таких намерений не было. Это была работа Дальневосточного комитета. Если у него эти планы были, то, во всяком случае, мне не были известны.

Заверил:

Заместитель председателя Иркутской Губ. Ч. К.

К. Попов.

**30-го января 1920 г.**

**Алексеевский.** Теперь продолжайте ваш рассказ.

**Колчак.** В это время готовилась интервенция, т. е. ввод иностранных войск на нашу территорию. По всей вероятности, впечатление, которое осталось у японцев, было таково, что я буду мешать этому делу. Поэтому они желали, чтобы я не вмешивался в дела Востока. Алексеевский. Доходили ли до вас слухи, что параллельно с Дербера существует власть областного земства? Каково было ваше отношение к этим трем организациям власти?

**Колчак.** Я должен сказать, что единственно серьезным органом, который занимался своим делом, мне представлялось земство, так как все акты, которые представлялись со стороны других правительственных организаций, носили только характер политической борьбы.

**Алексеевский.** Остается еще третья из возникавших тогда организаций, это — дерберское правительство. Ваше отношение к дерберскому

---

<sup>5</sup> Генерал Хорват Дм. Леонид. — управляющий Китайско-Восточной железной дорогой с 1903 г. В 1918 г. объявил себя «временным верховным правителем», позднее подчинился Колчаку.

правительству не изменилось, когда оно из претендента обратилось в некоторую организацию?

**Колчак.** Нет, оно осталось таким же, как и было, — я считал его правительством опереточным<sup>6</sup>.

**Алексеевский.** До вас в Японию доходили известия о том, что в Западной Сибири образовалось западносибирское правительство, и как вы к этому относились?<sup>7</sup>

**Колчак.** Были неопределенные сведения, что в Омске образовалось западносибирское правительство. Были неясные слухи о том, что в Самаре собирается съезд членов Учредительного Собрания, были первые намеки на образование Директории — это были все отрывочные и неопределенные сведения. Из них самое серьезное — это то, что омскому правительству удалось успешно провести мобилизацию в Сибири и что население, совершенно измучившееся за время хозяйничанья большевистской власти, поддерживало, главным образом в лице сибирской кооперации, власть этого правительства. Ни характера этого правительства, ни его целей и тенденций я не знал. Я знал только, что оно противобольшевистское.

**Алексеевский.** Каково было ваше принципиальное отношение к интервенции раньше, чем вы ее увидели во Владивостоке?

**Колчак.** В принципе я был против нее.

**Алексеевский.** Все-таки можно быть в принципе против известной меры, но допускать ее на практике, потому что другого выхода нет. Вы считали ли, что, несмотря на то, что интервенция нежелательна, к ней все-таки можно прибегнуть?

**Колчак.** Я считал, что эта интервенция, в сущности говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом. Затем я не мог относиться сочувственно к этой интервенции ввиду позорного отношения к нашим войскам и унижительного положения всех русских людей и властей, которые там были. Меня это оскорбляло. Я не мог относиться к этому доброжелательно. Затем самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер: это не было помощью России — все это выставлялось как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с этим все получало глубоко

---

<sup>6</sup> Это «опереточное», как его называет Колчак, правительство обычно называли «Дерберовским кабинетом». Возникло оно в январе 1918 г., когда по всей Сибири уже стала устанавливаться Советская власть. 26 января большевики произвели аресты некоторых видных членов Думы — Патушинского, Шатилова, Якушева. Должны были арестовать Дербера, но он скрылся.

<sup>7</sup> Алексеевский имеет в виду уже Западно-сибирский комиссариат, образовавшийся в качестве филиала Сибирского правительства после эсеро-чехословацкого переворота, а «Сибирское правительство» во главе с Вологодским. Это правительство, образованное в июле 1918 г., объявило независимость Сибири.

оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальнем Востоке.

Во Владивостоке я получил первые сведения о западносибирском правительстве, которое тогда называлось правительством Вологодского<sup>8</sup>. Затем я узнал, что в Уфе состоялось совещание, на котором было решено из сибирского правительства образовать всероссийскую власть, и что во главе этой власти будет стоять Директория. Там же я узнал, что в Архангельске образуется какая-то власть под председательством Чайковского и что все эти отдельные правительства решили объединиться под флагом Директории.

Заверил:

Заместитель председателя Иркутской Губ. Ч. К.

К. Попов.

#### 4-го февраля 1920 г.

**Колчак.** переворот совершился 18-го числа вечером, с воскресенья на понедельник. Об этом перевороте слухи носились, частным образом мне морские офицеры говорили, но день и время никто фиксировать не мог. О совершившемся перевороте я узнал в 4 часа утра на своей квартире.

**Денике.** Прежде чем перейти к дальнейшему, разрешите предложить вам такой вопрос: были ли указания о том, каким образом подготавливался этот переворот? Вы осведомлены не были и личного участия не принимали, но впоследствии стало ли вам известно, кем и как этот переворот был организован? Кто из политических деятелей и военных кругов принимал в нем участие?

**Колчак.** Вскоре, в ближайшие дни, я узнал только тех лиц, которые активно участвовали в этом перевороте. Это были три лица. Я знаю, и мне говорил Лебедев<sup>9</sup>, что в этом принимала участие почти вся ставка, часть офицеров гарнизона, штаб главнокомандующего и некоторые члены правительства. Он говорил, что несколько раз во время моего отсутствия были заседания по этому поводу в ставке. Я ему на это сказал одно: «Вы не должны мне сообщать фамилии тех лиц, которые в этом участвовали, потому что мое положение в отношении этих лиц становится тогда совершенно невозможным, так как, когда эти лица будут мне известны, они станут в

---

<sup>8</sup> Впоследствии Вологодский П. В. — премьер-министр Колчаковского правительства, по происхождению — сын Томского священника, адвокат.

<sup>9</sup> Лебедев находился в штабе Корнилова во время его похода на Петроград. В Сибири появился в качестве представителя Добровольческой армии генерала Деникина, присланного для информационной связи. Один из активных участников колчаковского переворота. Был произведен Колчаком в генералы и назначен начальником *штаба*. Позднее был назначен военным министром.

отношении меня в чрезвычайно ложное положение и будут считать возможным тем или иным путем влиять на меня. Виновники этого переворота, выдвинувшего меня, будут постоянно оказывать на меня какое-нибудь давление, между тем как я считаю для меня совершенно безразличным это, и я не считаю возможным давать или не давать те или иные преимущества».

Заверил:

Заместитель председателя Иркутской Губ. Ч. К.

К. Попов.

### **6-го февраля 1920 г.**

**Алексеевский.** Известно, что вначале на фронте у добровольческих частей и даже у частей Сибирской армии, которая была сначала организована на добровольческих началах, было враждебное отношение к перевороту. Таково, например, было отношение третьей дивизии, одной из самых боевых дивизий. Другие части оставались в неведении совершившегося переворота: им говорили, что адмирал Колчак действует от имени Директории, что Директория остается, так как в противном случае по настроению солдат можно было ожидать, что они оставят фронт с целью идти ликвидировать переворот.

**Колчак.** О таких настроениях мне ничего не известно, так как мне об этом никто не сообщал. Наоборот, если у меня и были сомнения, то они рассеялись в ближайшие дни, когда я получил уверенность, что подобная конструкция правительства и власти приветствуется всей армией. И дальше, в последующие дни, я от армии ничего, кроме самого хорошего, кроме самого положительного отношения, не видал. Ни одного оскорбительного письма, ни одного памфлета из армии за все время пребывания моего верховным правителем я не получал.

### ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АЛЕКСАНДРА КОЛЧАКА

Великая трагедия гражданской войны в России складывалась из трагедий миллионов людей, погибших от пуль, голода, болезней — сыпного тифа, холеры, чумы, оспы. Среди этих миллионов был и Александр Колчак, известный путешественник, флотоводец, крупнейший специалист по минному делу, ученик адмирала Макарова и Фритьофа Нансена, возглавивший в конце 1918 года контрреволюцию Сибири и расстрелянный в начале 1920 года по решению Иркутского большевистского ревкома. 14 ноября 1919 года в Омск ворвались части Пятой армии. Столица Колчака пала. На башенке бывшего здания колчаковского Совета министров взвился красный флаг.

Победителям достались сотни вагонов со снаряжением и боеприпасами, десятки тысяч больных сыпным тифом и три тысячи незахороненных трупов, распространяющих смрад по всему городу...

После сдачи Омска столицей «всероссийского правительства» стал Иркутск. Сюда переехали Совет министров, центральные учреждения и иностранные миссии. Здесь же теперь находилось командование чехословацких войск, контролировавших Транссибирскую магистраль. Сам Колчак в Иркутск не поехал, но его поезд по мере отступления белогвардейских дивизий под напором красных медленно, но неуклонно приближался к Иркутску. Сюда, в этот поезд, стекались сведения с фронта и из новой столицы. И сведения эти были неутешительны: стабилизировать фронт генералу Каппелю никак не удавалось, а в Иркутске, похоже, готовилось восстание, возглавляемое Полит-центром — временным блоком эсеров, меньшевиков, земцев и Крестьянского союза. Политцентр намеревался создать в Сибири эсерово-меньшевистскую республику — демократическую и независимую. И этим планам сочувствовало чешское командование.

И вот восстание, в которое не верил не только Колчак, но и большевики, началось.

А вскоре адмиралу передали телеграмму из Иркутска: «Нижнеудинск, поезд верховного правителя.

Создавшаяся в Иркутске политическая обстановка повелевает Совету Министров говорить с вами откровенно. Положение в Иркутске после упорных боев... заставляет нас в согласии с командованием решиться на отход на восток... Непременным условием вынужденных переговоров об

отступлении является ваше отречение, так как дальнейшее существование в Сибири возглавляемой вами российской власти невозможно. Совмин единогласно постановил настаивать на том, чтобы вы отказались от прав верховного правителя, передав их генералу Деникину, и указ об этом передать через чехштаб предсовмину для опубликования. Это даст возможность согласить идею единой всероссийской власти, охранить государственные ценности и предупредить эксцессы и кровопролитие, которые создадут анархию и ускорят торжество большевизма на всей территории. Настаиваем на издании вами этого акта, обеспечивающего от окончательной гибели русское дело...»

5 января 1920 года адмирал подписал указ об отречении, а в ночь с 12-го на 13-е, по требованию Политцентра, чехами были разоружены его конвой и охрана поезда с золотым запасом России. 15 января в Иркутске в 10 часов вечера состоялась передача чехами Колчака, председателя Совмина Пепеляева и их свиты Политцентру. С чешской стороны акт передачи подписали политический представитель Чехословацкой республики доктор Благож и начальник эшелона № 52 майор Кадлец, с русской — заместитель командующего войсками Политцентра Нестеров и члены комиссии. А еще несколько дней спустя бывший верховный правитель предстал перед сформированной Политцентром следственной комиссией.

Читая составленные по всем правилам юриспруденции протоколы, трудно себе представить, что, когда велся допрос, к западу от Иркутска шли последние кровавые бои и где-то там, в занесенной колючим снегом избушке, умирающий Каппель, командующий уже не существующим фронтом, прерывистым шепотом диктовал адъютанту обращение к сибирским крестьянам с мольбой поддержать погибающее белое движение: «За нами с запада подвигаются советские войска, которые несут с собой коммунизм, комитеты бедноты и гонения на веру Иисуса Христа. Где утвердится советская власть, там не будет трудовой крестьянской собственности, там в каждой деревне небольшая кучка бездельников, образовав комитеты бедноты, получит право отнимать у каждого все, что им захочется.

Большевики отвергают Бога, и, заменив Божью любовь ненавистью, вы будете беспощадно истреблять друг друга.

Большевики несут к вам заветы ненависти к Христу, новое красное Евангелие, изданное в Петрограде коммунистами в 1918 году...» Члены следственной комиссии не торопились. Они спрашивали адмирала о его отце, матери, юности, учебе в гимназии и Морском корпусе, участии в экспедициях. И Колчак, так же неторопливо, обстоятельно отвечал на задаваемые ему вопросы. Он мог быть доволен. Неожиданно для себя получил возможность высказаться. Нет, не перед комиссией. Люди, сидящие за столом, его не интересовали. Вождь белого движения говорил не для них. Показания предназначались для русской общественности, для оставшихся в

живых членов императорской фамилии, для Франции, Англии, Японии, для президента Американских Соединенных Штатов Вильсона, гостем которого он был два с половиной года тому назад, — для истории. Но отчет адмирала перед историей остался неоконченным... Разгромленные Пятой армией части белых, отступая на восток, оказались под Иркутском. Их командованием был предъявлен ультиматум. Одним из пунктов этого ультиматума являлось освобождение Колчака и его председателя Совета министров Пепеляева. Удастся ли в случае отказа выполнить ультиматум, отстоять город от белых?

Члены Иркутского ревкома, которому вынужден был передать власть Политцентр, в этом не были до конца уверены. И так?..

6 февраля 1920 года Иркутский военно-революционный комитет постановил:

- 1) бывшего верховного правителя адмирала Колчака и
- 2) бывшего председателя Совета министров Пепеляева расстрелять.

**Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв.**

**Председатель Иркутского военно-революционного комитета А. Ширямов. Члены: А. Сноскарев, М. Левенсон. Управляющий делами Н. Оборин».**

Вокруг расстрела Колчака возникло много романтических легенд и мифов. Действительность прозаична. Привожу свидетельства участников этого события — военного коменданта Иркутска И. Бурсака и председателя Иркутской чрезвычайной следственной комиссии С. Чудновского. И. БУРСАК. Вечером 6 февраля я был вызван в ревком, там уже находился предгубчека Чудновский. Ширямов вручил нам постановление о расстреле Колчака и Пепеляева. Мы вышли и договорились, что я подготовлю специальную команду из коммунистов. Коменданта тюрьмы я предупредил о предстоящем расстреле и приказал ему не отлучаться, а весь караул держать в боевой готовности. Во втором часу ночи я с командой прибыл в тюрьму. Через некоторое время туда подъехал и Чудновский. Мы вошли в камеру к Колчаку и застали его одетым — в шубе и шапке. Чудновский зачитал ему постановление ревкома. Колчак воскликнул:

— Как! Без суда?

Чудновский ответил:

— Да, адмирал, так же как вы и ваши подручные расстреливали тысячи наших товарищей.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в камеру к Пепеляеву. Этот тоже был одет. Когда Чудновский зачитал ему постановление ревкома, Пепеляев упал на колени и, валяясь в ногах, умолял, чтобы его не расстреливали. Он

уверял, что вместе со своим братом генералом Пепеляевым давно решил встать против Колчака и перейти на сторону Красной Армии. Я приказал ему встать и сказал: — Умереть достойно не можете... К четырем часам утра мы прибыли на берег Ушаковки, притока Ангары.

С. ЧУДНОВСКИЙ. Мороз тридцать два — тридцать пять градусов. Ночь светлая. Тишина мертвая. Только изредка со стороны Иннокентьевской раздаются отзвуки отдельных орудийных и ружейных выстрелов. На небе полная луна, светло, как днем. Мы стоим у высокой горы, к подножию которой примостился небольшой холм. На этот холм поставлены Колчак и Пепеляев.

И. БУРСАК. На мое предложение завязать глаза Колчак отвечает отказом. Взвод построен, винтовки наперевес. Чудновский шепотом говорит:

— Пора.

Я даю команду:

— Взвод, по врагам революции — пли!

Оба падают. Кладем трупы на сани-розвальни, подвозим к реке и спускаем в прорубь...

Возвращаемся в тюрьму. На обороте подлинника постановления ревкома о расстреле Колчака и Пепеляева пишу от руки чернилами: «Постановление Военно-революционного комитета от 6 февраля 1920 года за № 27 приведено в исполнение 7 февраля в 5 часов утра в присутствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии, коменданта города Иркутска и коменданта иркутской губернской тюрьмы, что и свидетельствуется нижеподписавшимися: Председатель Чрезвычайной следственной комиссии С. Чудновский. Комендант города Иркутска И. Бурсак».

Так закончилась жизнь Александра Колчака.

Протоколы допросов Колчака, которые сейчас возникли из небытия, являются важнейшими документами гражданской войны. К ним еще не раз будут обращаться историки. Но значение протоколов не только в этом. Они своеобразный рассказ о человеке, сложном, противоречивом, одной из наиболее ярких фигур в белом движении России, человеке, значительно более крупном, чем Деникин, Врангель или Юденич.